

КНИГА ИОВА В СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ XVIII–XIX вв. (ФРАГМЕНТ О БЕГЕМОТЕ И ЛЕВИАФАНЕ)

© 2016 г. В. Л. Коровин

Кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
korovinv@yandex.ru

THE BOOK OF JOB IN THE VERSIFICATIONS OF THE 18th–19th CENTURIES (THE FRAGMENT ON THE BEHEMOTH AND THE LEVIATHAN)

© 2016 Vladimir L. Korovin

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
korovinv@yandex.ru

Речь идет о переложениях заключительного фрагмента увещательной речи Бога к Иову, в котором описаны бегемот и левиафан (Иов 40:10–41:26). Первое из них находится у М.В. Ломоносова в знаменитой “Оде, выбранной из Иова” (1751). Его опыт так или иначе учитывали авторы позднейших переложений – Н.П. Николев в оде с тем же названием (1795), С.А. Ширинский-Шихматов в стихотворении “Песнь Сотворившему вся” (1817) и Ф.Н. Глинка в заключительных главах поэмы “Иов. Свободное подражание священной книге Иова” (1859). В зависимости от своих целей поэты пропускают разные детали исходного текста и добавляют собственные и, таким образом, либо идентифицируют загадочных библейских зверей с известными животными, либо акцентируют возможность их аллегорического толкования как образов дьявола.

The focus of the article is on the poetic paraphrases of the last fragment of God’s admonition towards Job, in which the Behemoth and the Leviathan are described (Job, 40:10–41:26). The first paraphrase under discussion is by M.V. Lomonosov in his famous ‘Ode Paraphrased from Job’ (1751). The authors of the subsequent paraphrases drew upon Lomonosov’s work to various extents; namely, N.P. Nikolev in the ode of the same name (1795), S.A. Shirinsky-Shikhmatov in his lyrical poem ‘The Song to the Creator of All’ (1817) and F.N. Glinka in the last books of his poem ‘Job: A Free Imitation of the Holy Book of Job’ (1859). Depending on their purposes, the poets omitted different details of the source text or expanded it. By doing so, they either identified the mysterious biblical beasts with familiar animals, or emphasized their allegorical dimension as incarnations of the devil.

Ключевые слова: Книга Иова, Ломоносов, Николев, Сергей Ширинский-Шихматов, Федор Глинка, бегемот и левиафан.

Key words: The Book of Job, Lomonosov, Nikolev, Sergiy Shirinsky-Shikhmatov, Feodor Glinka, Behemoth and Leviathan.

1.

М.В. Ломоносов

Первое в русской поэзии переложение из Книги Иова принадлежит Ломоносову. Его “Ода, выбранная из Иова”, опубликованная в 1751 г., а написанная, возможно, в 1742–1743 гг. (см.: [1, с. 105–109]), по сей день остается самым известным переложением, хотя сейчас уже нельзя повторить вслед за П.А. Катениным, что “все рус-

ские знают, конечно, выбранное Ломоносовым из Иова” [2, с. 52].

В оде дано свободное и выборочное переложение увещательной речи Бога к Иову (Иов 38:1–41:26). Поместив его в обрамление оригинальных строф, обращенных от автора к ропщущему “в горести” человеку, Ломоносов оказался в роли толкователя труднейшего фрагмента библейской книги и, в частности, едва ли не впервые в русской печати употребил слова “бегемот” и “левиафан” (по крайней мере, первое из них).

Описанием бегемота и левиафана заканчивается речь Бога к Иову (Иов 40:10–41:26). В библейской экзегетике оно является естественнонаучной и богословской проблемой, поскольку, с одной стороны, не очень понятно, о каких животных идет речь, а с другой – существует традиция усматривать в нем иносказание, относящееся к дьяволу¹. В славянском переводе Книги Иова, сделанном с греческой Септуагинты, вместо транслитерированных в латинском переводе еврейских слов “бегемот” и “левиафан” стояли “зверь” (“зверие”) и “змий”². Отчасти поэтому аллегорическое толкование этих образов в России никогда не пользовалось столь широкой, как на Западе, известностью, к тому же греческие отцы Церкви не находили его особенно полезным. Так, свт. Иоанн Златоуст предпочитал говорить о них как о могущественных животных, которые “ведут нас к богопознанию”³.

Однажды, протестуя против буквального понимания образных выражений Библии об устройстве физического мира, Ломоносов напомнил: “Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом” [6, IV, с. 372]. В “Оде, выбранной из Иова” он, однако, иносказательным смыслом описания бегемота и левиафана пренебрег, хотя и опирался на западную традицию, используя сами эти слова. Из целого ряда удивительных существ, о которых Бог говорит Иову, Ломоносов для своего переложения отобрал только орла, бегемота и левиафана и изобразил их как первенствующих, соответственно, в воздухе, на суше и в море.

¹ См.: [3, с.231–234]. В христианской традиции первое развернутое аллегорическое толкование образов бегемота и левиафана дал папа Григорий I Великий (540–604) в книге “Expositio in librum Iob sive Moralia” (Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования).

² Левиафан в Библии упоминается еще несколько раз (Пс 73:14; Пс 103:26; Ис 27:1; Иов 3:8; 3 Езд 6:49–52), причем в славянском переводе в двух случаях это слово переведено не как “змий”, а “дракон” (Ис 27:1) и “великий кит” (Иов 3:8). Вместе с левиафаном еще один раз встречается и бегемот – в Третьей книге Ездры (6:49–52), которой нет ни на еврейском, ни на греческом языках. Славянский перевод этой книги, как и все прочие, сделан с Вульгаты, но в нем они названы “енох” и “левиафан” <так!>.

³ См.: [4, с. 247]. Тот же свт. Иоанн Златоуст в “Отрывках на (книгу) блаженного Иова”, говоря о двух этих животных, “один из которых живет на суше, а другой – в воде, в море”, заметил: “Не безызвестно нам, что многие разумеют в этих словах диавола, понимая в иносказательном смысле (κατά ἀναγωγήν). Однако нужно наперед заботиться об истории, а когда можно принести пользу слушателю и иносказательным объяснением, то не следует пренебрегать и им” [5, с. 1087].

Возри в леса на Бегемота,
Что Мною сотворен с тобой;
Колючей терн его охота
Безвредно попирает ногой.
Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?⁴

Что речь идет именно о животном, можно понять из выражения: “Мною сотворен с тобой...” Один автор в конце XVIII в. усмотрел в нем стилистическую погрешность: “*Мною сотворен с тобою*, кажется, что вместе сотворен бегемот с Иовом. Стихотворец хотел сказать: который сотворен Мною же, равно как и ты; а потому мысль его несвойственным речением запутана и темна” [7, с. 32]. Не исключено, что Ломоносов неудачно передал фразу из латинского перевода: “Ессе behemoth quem feci tecum” (40:10). Но вернее, кажется, понять его выражение как “сотворен Мною в одно время с тобой”, т.е. в один и тот же День творения мира, а именно в День шестой, когда, по Книге Бытия, были сотворены животные и человек (Быт 1:24–31). В таком понимании оно оказывается не стилистической погрешностью, а элементом продуманного толкования библейского текста: это способ подчеркнуть, что речь идет не об одном из бесов (падших ангелов, сотворенных гораздо раньше), а о простом животном, хоть и очень сильном.

Речь Бога в переложении Ломоносова организована по принципу шестоднева, рассказа о шести днях творения. Для полноты картины мироздания он ввел в эту речь две оригинальные строфы о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я), не имеющие соответствия в Книге Иова (см.: [8, с. 92–94]). Три строфы о Левиафане (10–12) следуют за описанием Бегемота и предшествуют строфе о человеке. О рыбах (“стада, ходящие по дну”) и птицах (орел), в соответствии с порядком Дней творения мира, в оде сказано раньше (строфы 6 и 8). Таким образом, Левиафан представляется не рыбой, а животным, сотворенным, как и Бегемот, в День шестой, но обитающим не на суше, а в океане:

В самой середине Океана
Он быстрый простирает бег...

Ломоносов, как видно, думал о ките. Именно так он переводил слово “левиафан” (“змий”) в 103 псалме, как следует из его письма к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г.: «...принявшись прелагать на стихи прекрасный псалом 103, для того

⁴ [6, VIII, с. 387]. Далее “Ода, выбранная из Иова” цитируется по этому изданию без ссылок.

покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругатися ему”, вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство)» [6, X, с. 462]. Переводить слово “левиафан” как “кит” он мог с тем большей уверенностью, что в другом месте славянского текста Книги Иова оно и было переведено как “великий кит” (Иов 3:8).

В ученом мире Европы XVIII в. было распространено мнение, что в Книге Иова бегемотом назван гиппопотам, а левиафаном – нильский крокодил (а не слон и кит, как считали раньше).⁵ Это нашло отражение и в поэзии. В таком виде их представил, например, Эдуард Юнг в своем переложении из Книги Иова (“A Paraphras on Part of the Book of Job”, 1719) и дал соответствующие примечания. В точном русском переводе С.С. Джунковского (1799) первые строки его описания библейских животных выглядят так: “Бегемот мой кроток; хотя огромно его стремление тела, тих нрав; не имеет сердце его ярости, когда не раздражено. Сей житель вод подымлет свою широкую ногу и полагает на бреге для искания пищи... <...> Пойди к Нилу и с плодоносных его берегов повергни уду в воздымающуюся влагу, и на тонком волосе вытяни Левиафана: и прости огромность его на отягченном песке...”⁶

Ломоносовский Левиафан, обитатель океана, с крокодилом не имеет ничего общего. Все поэтические гиперболы в его описании могут быть отнесены к киту. Даже такая деталь, как “...зубы – страшный ряд серпов” (строфа 11), восходящая к библейскому тексту (“круг зубов его – ужас” [Иов 41:6]; в слав. переводе: “окрест зубов его страх”), указывает не на крокодила, чьи зубы трудно уподобить серпам, а на кита, поскольку именно таким может быть зрительное впечатление от китового уса (напомним, что в Белом море, на берегах

которого родился Ломоносов, обитают киты-белухи).

С пониманием Бегемота как гиппопотама Ломоносов тоже не был согласен. Это видно из того, какие детали исходного описания он пропускает в своем переложении, а какие добавляет. Так, он пропускает упоминание о реке, из которой пьет Бегемот, об Иордане, устремляющемся “ко рту его” (Иов 40:18), и вообще умалчивает о болотистом характере местности, где обитает библейский зверь. Слабый намек на это был в первой публикации оды в 1751 г.: “Воззри в луга на Бегемота”. При повторном ее издании в 1757 г. поэт внес сюда изменение: “Воззри в леса на Бегемота”. В леса у Ломоносова превратились “тенистые деревья” среди тростников и “ивы при ручьях” (Иов 40:17). Вероятно, он думал о слоне или, скорее, о носороге⁷ и от себя добавил заключительный стих: “Кто может рог его сотреть?”⁸ В идентификации библейского бегемота с носорогом наш поэт и ученый был менее убежден, чем в случае с китом и левиафаном, поэтому “рог” у него появляется во фразе, которую можно понять иносказательно (т.е. “кто может его одолеть?”).

По мнению Ю.М. Лотмана, Ломоносов своей антидемонологической трактовкой образов бегемота и левиафана протестовал против истерического страха перед дьяволом, выразившегося не так давно в процессах над ведьмами в западных странах, а теперь (чего он якобы опасался) овладевавшего умами православного духовенства (см.: [15]). Эта гипотеза правдоподобна, но не является единственным объяснением, почему он все-таки назвал Бегемота и Левиафана, вызывающих демонологические ассоциации, а не более нейтральных “зверя” и “змия” (или слона и кита). Сделать такой выбор Ломоносов мог, руководствуясь естественнонаучными и художественными соображениями. Неопределенные “зверь” и “змий” его не устраивали своей безымянностью: в одном ряду с орлом ему нужны были конкретные сухопутное и морское животные. В.К. Тредиакowski и А.П. Сумароков в своих переложениях 103 псалма переименовали левиафана

⁵ См.: [9, с. 197–210]. Это мнение распространилось после выхода книги Самюэля Бошара (Bochart, 1599–1667) о библейских животных “Hierozoicon, sive bibartitum opus de animalibus Sacrae Scripturae” (1663).

⁶ [10, с. 454–455]. К слову “Бегемот” здесь дана сноска: “Гиппопотам, или водяной конь”; к слову “Левиафан” – “Крокодил”. В переводе И.Г. Рахманинова (1780), сделанном с французского перевода Пьера Летурнера (1769), бегемот и левиафан в самом тексте поэмы заменены “Лошадью” и “крокодилом” (см.: [11, с. 70–71]). Поставленная на месте бегемота “Лошадь” (“величая водная обитательница”, чье “свойство... тихо и не имеет в себе никакой жестокости”) в переводе Рахманинова довольно забавна, поскольку чуть выше у него шла речь о “храбром коне” (см. [11, с. 67–68]; в переводе Летурнера в обоих случаях употреблен мужской род – “le cheval”, см.: [12, р. 347, 349]).

⁷ Еще А.С. Шишов в 1803 г. отмечал, что в оде Ломоносова описывается “слон или единорог” [13, с. 70]. С ним соглашался И.З. Серман, высказав также предположение, что в строфах о Левиафане Ломоносов учел описание “морской коровы” (serenae Stelleri), сделанное адъюнктом Петербургской Академии наук Г.В. Стеллером, участником второй экспедиции В. Беринга (1733–1742) (см.: [14, с. 55–60]).

⁸ Ср.: “Возьмет ли кто его в глазах его и проколет ли ему нос багром?” (Иов 40:19). Славянский перевод в этом месте малопонятен: “Во око свое возмет его <Иордан>, ожесточився продиравит ноздри”.

в кита⁹. Так же, в принципе, мог бы поступить и Ломоносов, поскольку тоже считал его китом. Однако насчет перевода слова “бегемот” он, видимо, сомневался, а дать в одном ряду Бегемота и Кита не представлялось возможным. Так же странно выглядела бы пара Зверь и Кит. Оставался только один вариант: Бегемот и Левиафан. Его он и предпочел, проявив научную осмотрительность и художественное чутье (это было правильно и с точки зрения библейской экзегетики).

По замечанию И. Клейна, “в центре внимания Ломоносова – не проблема зла, но обращенное к человеку требование смирения и преданности Господу... <...> Любому сомнению, порожденному столкновением с конкретным злом, Ломоносов противопоставляет безусловность веры” [18, с. 295]. Действительно, в “Оде, выбранной из Иова” показано, что мир устроен премудро и наилучшим образом. Бог убеждает Иова, обращаясь к его *разуму* и *воображению*, и тем укрепляет его пошатнувшуюся *веру*. Изображение “в стройном чине” устроенного “прекрасного света” в оде не самоцель, а *аргумент*, предназначенный для убеждения человека в том, что Бог все делает для его блага, “все на пользу нашу строит”: “Сие, о смертный, рассуждая... <...> Без роптания проси”. Образ Левиафана, воинственного и непобедимого для других земных тварей, должен внушать мысль об абсолютной мощи и непобедимости его Творца, пекущегося о благе человека. Раз уж Тот, Кто создал Левиафана, “все на пользу нашу строит”, значит ничто в этом не может Ему помешать:

Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против Меня?

Это заключительные стихи в ломоносовском описании Левиафана. Первый из них соответствует последним словам в речи Бога к Иову: “Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости” (Иов 41:25–26); ср. в слав. переводе: “Ничто же есть на земли подобно ему сотворе-

но, поругано быти ангелы моими: все высокое зрит: сам же царь всем сущим в водах”. Второй стих соответствует ранее идущему в оригинале стиху: “... кто же может устоять перед лицом Моим?” (Иов 41:2), но вполне логично поставлен на место вывода из описания дивного библейского зверя.

В оде Ломоносова образы Бегемота и Левиафана должны “преклонять” читателей к мысли о “Божием величестве”, но не о ничтожестве и бессилии человека, поскольку на его стороне сам Творец, который поддерживает его, укрепляет (“Сбери свои все силы ныне, / Мужайся, стой...”) и служит ему надежной защитой. Общее понимание речи Бога к Иову в его переложении вполне канонично. Оно совпадает, например, с пояснением свт. Иоанна Златоуста к речи Бога к Иову: «Прежде всего, Он показывает, что все творит премудро и разумно и что невозможно Тому, кто делает столько вещей премудро и разумно, презреть человека, ради которого все устроено, притом страдающего, как в этом случае. <...> Посмотри, сколькими примерами Он изобличает скромность его природы, причем не говорит: “Ты мал”, но: “Я велик, и ты не можешь того, что Я”» [4, с. 233, 247].

В духовных одах Ломоносова весь мир предстает устроенным ради человека. В его “Утреннем размышлении о Божием величестве” (1743? <1751>) мы читаем, что даже Солнце, “сия ужасная громада”, зажжена “для наших повседневных дел”. Но это-то избыточное великолепие мироздания и побуждает поэта воздать хвалу Творцу, премудрому, щедрому сверх всякой меры и, безусловно, пекущемуся о благе человека: “И, на Твою взирая тварь, / Хвалить тебя, бессмертный Царь” [6, VIII, с. 119]. Здесь под “тварью” разумеется Солнце: на нем “горящий вечно Океан” будит мысль ученого и вызывает восторг поэта. Оно создано не столько для утилитарных человеческих нужд, сколько для благоговейного созерцания, для того чтобы человек удивлялся и познавал своего Творца. В “Оде, выбранной из Иова” такую же функцию выполняют Бегемот и Левиафан – самые поразительные из описанных в ней “чуд”, хоть и не столь огромные и удивительные, как в библейском оригинале¹⁰.

⁹ У Тредиаковского: “В пространном океане том / Бесчисленным гадам есть дом; / Живет там Малое с Великим, / Там плавают и корабли: / И Кит, что-сотворен-толиким, / В глуби играет и в мели” [16, S. 267]; у Сумарокова: “Летают тамо корабли: / В пучину им пути пробиты: / И отдаленны от земли / В валах играют тамо киты” [17, с.151]. Впрочем, в переложениях 73 псалма они слово “змий” передали как “киты”, а с левиафаном поступили по-разному. Тредиаковский: “Ты в водах главы разбил / Кита превеликим ею <силою Твоею – В.К.>: / Ты расшиб же и главу / Змийственному Крокодилу...” [16, S. 188]; Сумароков: “Разишь ты китов на водах, / Драконов сильных премогаешь...” [17, с. 102]. Ср.: “Ты сокрушил головы змиев в воде; Ты сокрушил голову левиафана...” (Пс 73:13–14; в славянском тексте псалма в обоих случаях “змий”, в латинском – драконы). Возможно, эти стихи 73 псалма наводили на Ломоносова сомнения относительно возможности отождествить левиафана из Книги Иова с китом.

¹⁰ На это обращал внимание А.С. Шишков: “Мне кажется изображение крепости и сил столь огромного животного, каков есть слон или единорог, в стихах у Ломоносова не довольно соответствует изображению действия или употребления тех же самых сил его; ибо о таком звере, у которого *жилы как сплетенные веревы, ребра как литая медь*, мало сказать, что он *колющий терн безвредно попирает ногами*. Не отъемля славы у сего великого писателя, мнится мне, что надлежало бы сказать нечто более, нечто удивительнее сего” [13, с. 70–71]. Конечно, и в описании левиафана он отдавал предпочтение библейскому оригиналу, поскольку там оно более “воспламеняет... воображение” и “не щадится ничего, могущего изображение сие сделать великолепным, поразительным, страшным, чрезвычайным” [13, с. 77].

Жизнеутверждающий пафос (“оптимизм”) “Оды, выбранной из Иова” отмечали почти все писавшие о ней, при этом порой Ломоносова упрекали за то, что он якобы прошел мимо “страстного протеста многострадального Иова” [19, с. 65], замечали, что в его оде “исчез Иов (так как он не дает мотивов из первых глав книги Иова) и вместе с ним исчезла самая проблема веры” [20, с. 343]. На самом деле вне общей проблематики Книги Иова ода Ломоносова не может быть правильно понята. Он не купирует проблему присутствия в мире зла, а как раз начинает с нее: “О ты, что в горести напрасно / На Бога ропщешь, человек...” Зло в оде представлено страданием человека, которое бывает безвинным (как в случае с Иовом, который, по Ломоносову, “был терпения и добродетели образ” [6, VII, с. 310]). В том, что оно временно и обращено Провидением “на пользу” человека, Ломоносов и хочет убедить читателя (помнящего, конечно, что Иов пострадал не бесцельно, а для того, чтобы с полной очевидностью обнаружилась его праведность, которую пытался оспорить сатана). Поэтому церковные писатели XIX в. отводили “Оде, выбранной из Иова” первое место среди тех произведений Ломоносова, которые “для духовного просвещения много значили и значат” [21, с. 335].

2.

Н.П. Николев

В 1795 г. вышла из печати первая часть “Творений” Н.П. Николева¹¹, составленная из его духовных од. Среди них напечатана “Ода 27. Выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов, с прибавлением свободным почерпнутых мыслей из того же источника” [23, с. 171–179]. Она написана в точности по образцу ломоносовской оды: переложение речи Бога (тех же фрагментов) помещено в обрамление строф “от автора”. Вот ее начальные строки:

Престань роптать на Бога, раб,
Любя пути развратны века;
Не Бог, а ты для блага слаб,
Хоть создал с силой человека.

В отличие от Ломоносова, Николев обращается к человеку, который не просто “в горести” ропшет, а к “рабу”, любящему “пути развратны века”, и подчеркивает ничтожество того, кому адресована увещательная речь Бога:

...Воззрел на землю – на песчинку,
На Иова – как на пылинку.

В его переложении речь Бога начинается не с ободрения Иова, а с угрозы: “Исполня гласом мира слухи, <...> Да познает неправда гнев...” Бог у Николева не убеждает Иова, не пытается вызвать у него восхищение великолепием мироздания, а устрашает его и ставит на место, подчеркивает, что человек слаб, беспомощен и в любую минуту может быть уничтожен. Соответственно, бегемот и левиафан у Николева предстают, прежде всего, как опасные и безжалостные враги человека:

Яви могущество твое
С Моею тварью бегемотом,
Кто в чрево жадное свое
Тебя одним пропустит глотом;
Моги сразиться с ним посметь!
В нем жильна связь, как вервий сеть;
В нем тверда кость, как слиток меден,
Стопе колючий терн безвреден.

Поймай на острый твой багор
Царя пучин левиафана,
Чей (как свеча горяща) взор
На безднах блещет океана,
Как скован зрится из серебра,
То как недвижима гора,
Когда главою вознесется,
То с шумом, как корабль, несется.

Коль с супротивным в брань вступил,
Пучина вся в пенистых клубках,
Все волны кровью обагрил,
В гортани огонь, пилю на зубах;
Дыханьем ярости палит,
Ударом плеска все валит,
Суда на щепи раздробляет –
Кто ж Тот, Кто тварь сию являет?

Курсивом выше мы выделили строки, не имеющие соответствия ни в Книге Иова, ни у Ломоносова. Николев ввел их ради прояснения губительности этих тварей для человека. Он показывает прожорливых и кровожадных чудовищ, наделяя обоих чертами крокодила (способность проглотить добычу целиком и “пилю на зубах”), но, в общем-то, не интересуется зоологией. Об оде Николева нельзя сказать, как о ломоносовской, что это “песнь души, знакомой с устройством природы” [21, с. 335]. Так, его левиафан обитает в “океане” (как у Ломоносова), ведет себя как крокодил (“Все волны кровью обагрил...”), при этом “суда на щепи раздробляет”, выглядит как скованный “из серебра” и умеет высоко “главою возноситься”. Из самой Книги Иова (славянского текста) Николев для описания левиафана взял только две пропущенные Ломоносовым детали: он назван “царь пучин” (ср. Иов 41:25: “...сам же царь всем сущим в водах”), а взор его – “как свеча горяща” (ср. Иов 41: 9–10: “...очи же его видение денницы. Из уст

¹¹ Новейшее обобщающее исследование о Николае Петровиче Николеве (1758–1815) см. в книге М.Г. Альтшуллера [22, с. 225–468] (его духовные оды здесь, впрочем, почти не затрагиваются).

его исходят аки свечи горящия»). Это те детали, которые помогают изобразить левиафана более устрашающим, но не дают демонологических ассоциаций, которые Николеву тоже оказались не нужны (он мог бы, например, назвать его не “царь пучин”, а последовать за западными переводами этого стиха: “он царь над всеми сынами гордости” [Иов 41:26]). Бегемот и левиафан у Николева не демоны, а фантастические животные, правда, с демонической функцией в мироздании – быть губителями, устрашать и наказывать грешников.

Состязаясь с Ломоносовым, Николев имел в виду аудиторию, безразлично или враждебно относящуюся к религии. Он хотел поколебать самонадеянность безбожников и рационалистов, запугать и отвратить их от “развратных путей века”, склонив к признанию человеческого ничтожества и заслуженности его страданий. Последние у Ломоносова имели *цель* (“Он все на пользу нашу строит...”), а у Николева – *причину*:

Всех действий Бог причину зрит:
Отъемлет или дар творит,
Все правосудно есть и благо;
Заслуги зрит, пред Ним все наго.

Николев, как и Ломоносов, сделал полезный нравоучительный вывод, но куда менее канонично, чем он, понял общую ситуацию Книги Иова и интерпретировал ее отдельные образы. В оде Николева Бог оказывается не защитником и покровителем человека в лице *праведного страдальца* Иова, а суровым судьей развратного и малоумного раба, готовым обрушить на его голову заранее подготовленные ужасы. Их наглядным примером в оде и являются бегемот и левиафан, описанные Николевым как фантастические чудовища.

3.

С.А. Ширинский-Шихматов

Князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), принявший в 1830 г. монашеский постриг с именем Аникита, был одним из ведущих поэтов Беседы любителей русского слова (1811–1816)¹². А.С. Шишков в особенности пропагандировал его поэзию как образцовую по тематике (героико-патриотической и духовной) и высокому славянизированному стилю. Стихотворения

Шихматова изобилуют цитатами из богослужебных текстов и Славянской Библии. Книгу Иова он специально не перелагал, однако переложение нескольких фрагментов из речи Бога к Иову (в т.ч. о бегемоте и левиафане) все-таки сделал и включил их в состав большого оригинального стихотворения “Песнь Сотворившему вся” (1817)¹³. По жанру это типичная духовная ода, похвальный гимн Творцу, разросшийся до 59-ти 12-стишных строф, в которых по порядку излагаются дела каждого Дня творения мира. Не будучи связанным обязанностями переложателя Книги Иова, Шихматов по своему усмотрению пользуется некоторыми ее образами. О левиафане он пишет раньше, чем о бегемоте, и фрагмент о нем помещает среди рассказа о морских обитателях, сотворенных в День пятый:

...И жизнью Океан кипящий
Животных бездну породил...
<...>
Над ними царь левиафан. –
Над всеми преисполнен мощи,
Пучину, стонушу под ним,
Спирает, гонит пред собою;
Ругаясь с ним ея борьбою,
Волнует ошибом своим.

Владыка бурные стихии,
Гордится тьмами тем рабов;
И сила у него на выи,
И страх вокруг его зубов,
И сердце, жесткое как камень,
Стоит, как наковальня, в нем;
Дыхая дымом и огнем,
Из хляби уст рыгает пламень
И, ярки рдяностью лучей,
Дождит на море искры с треском,
И, чхая, блещет молний блеском
Из грозных заревом очей.

Броней чешуи одетая,
Броней медяных щитов,
Сын бездны, бурями взлелеян,
Как буря мчится меж валов;
В сердца морей нисходит чревом,
Подъемлясь к облакам главой;
Железо – слабою плевою,
Считает медь – гниющим древом,
Из пращей град вменяет в прах,
Не чует копий, в нем вонзенных,
На ложе камней изощренных
Покой вкушает по трудах.

[25, с. 10–11]

¹² О поэмах Шихматова “Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия” (1807), “Петр Великий” (1810) и “Ночь на гробах” (1812) в связи со спорами о языке в нач. XIX в. и историей Беседы любителей русского слова см.: [24, с. 115–140].

¹³ “Песнь Сотворившему вся” в 1817 г. была издана дважды – отдельно [25] и в “Известиях Российской академии” вместе с примечаниями А.С. Шишкова [26], вслед за которыми следовало его предложение наградить Шихматова золотой медалью Российской академии, на что “Академия охотно соглашается” [27, с. 65].

В этих строфах Шихматов, во-первых, последовательно придерживается славянского текста Книги Иова, а во-вторых, явно соперничает с Ломоносовым (вслед за которым использует само слово “левиафан”). Оба эти обстоятельства отметил Шишков в своих примечаниях на “Песнь Сотворившему вся”: “Строфа сия почерпнута из Иова (гл. 41), где описывается кит, или величайшее из обитающих в глубине морей животное, которое Ломоносов в стихах своих назвал Левиафаном. Самые выражения подлинника почти из слова в слово сохранены... <...> Скажем без нарушения истины в честь князю Шихматову, что успехи его в стихотворении весьма не малы, когда и после Ломоносова преложенное им тоже самое место можно читать с удовольствием” [26, с. 39–40]. Однако у Шихматова был и третий образец, о котором Шишков умолчал, – это VII книга “Потерянного рая” Дж. Мильтона, в которой архангел Рафаил рассказывает Адаму о творении мира¹⁴. “Песнь Сотворившему вся” композиционно соответствует этому рассказу во многих деталях. В частности, именно вслед за Мильтоном Шихматов помещает левиафана среди существ, сотворенных в День пятый, а бегемота изображает крупнейшим из зверей, произведенных из земли в День шестой:

Из мертвых глыб и безобразных
Живые, стройны существа
Видением красот их разных
Являют дело Божества...
<...>
Там движется гора по берегу,
В край бездны ходит бегемот
И волн ругается набегу,
Надежный сам себе оплот:
Состав его – как дуб, как камень,
Хребет – железо, ребра – медь;
Пожрав с полей пространных снедь,
Когда во чреве жажды пламень
Он в знойный угащает день,
Лиются в зев его потоки;
Не могут чащи древ высоки
Ему довольную дать тень.

[25, с. 14]

Шихматов, как видно, следует за текстом Славянской Библии, но образы поднимающихся из земли существ и бегемота как “движущейся горы” восходят к Мильтону¹⁵. Нечто подобное мы на-

ходим у другого русского автора, подражавшего тому же отрывку “Потерянного рая”, – в стихотворении С.С. Боброва “Размышление о создании мира...” (1804): “Там шаткий холм идет, иль сей огромный слон, / Являет блеск ума, чтит утром солнце он” [29, с. 275; см. также примечания: 29, с. 607–609]. Мильтон сразу вслед за бегемотом упоминает “гиппопотама” (river-horse) и “чешуйчатого крокодила” (scaly crocodile) [28, с. 206], исключая, таким образом, возможность идентифицировать с ними бегемота и левиафана. Последние у него изображены как загадочные библейские животные, напоминающие о сквозном персонаже его эпопеи – о Сатане (см.: [28, с. 607–608]). Сходным образом они описаны у Шихматова, который вкладывал в свое стихотворение определенный вероучительный смысл. Во второй половине “Песни Сотворившему вся” он говорит о грехопадении человека, которого подтолкнул к тому “змей злобы и гордыни”, “лжи отец” [25, с. 28], и об искупительной миссии Христа (к Нему и обращены заключительные строки гимна: “...любви Твоей блаженство / Познав чрез собственный искус, / Прославлю, славою светая, / Тебя, о Троица Святая! / Тебя, Господь мой Иисус” [25, с. 32]).

Строфы Шихматова о левиафане и бегемоте выглядят как точная поэтическая парафраза славянского текста, но некоторые выражения он все-таки добавляет “от себя”. В отличие от Ломоносова и Николева, он делает это не для того, чтобы направить мысль читателей к известным или фантастическим животным, а для того чтобы подчеркнуть духовную сущность изображаемого: левиафан у него “владыка бурных стихии, гордится тьмами тем рабов”, он “сын бездны, бурями взлелеян”; бегемот у него ходит “вскрай бездны” и “ругается” набегу волн, “надежный сам себе оплот”. Шихматов ничего не досочиняет, а лишь акцентирует то, что имеется в подлиннике, давая возможность демонологической трактовки образов левиафана и бегемота. При этом возможность такой трактовки он не слишком подчеркивает и не запугивает читателей, подобно Николеву, а стремится, подобно Ломоносову, вызвать их восхищение величием творения и мощью Творца, постоянно пекущегося о своих созданиях: “Но щит от гибели плачевной / Для тварей – Творческий совет...” [25, с. 21].

Перелагая интересные нас фрагменты из Книги Иова, Шихматов стремился сделать это максимально близко к подлиннику, и нельзя сказать, что ему это совсем не удалось. Левиафан и бегемот в его переложении выглядят такими же загадочными и неоднозначными существами, как

¹⁴ Шихматов был одним из немногих в свое время знатоков английской поэзии: его литературным дебютом был стихотворный перевод “Опыта о критике” А. Попа (СПб., 1806), а одна из главных поэм – “Ночь на гробах” (СПб., 1812) – имела подзаголовок “Подражание Юнгу”.

¹⁵ “Scarce from his mould / Behemoth, biggest born of earth, upheaved / His vastness” (Paradise Lost, book VII, v. 470–472). Ср. в переводе А. Штейнберга: “...бегемот, / Крупнейшая из тварей земнородных, / Из вязкой формы глиняной с трудом / Освобождает непомерный груз / Своих телес огромных” [28, с. 206].

в самой Книге Иова. Целью Шихматова была не только христианская проповедь, но и, как у Мильтона, – популяризация Священного Писания (в случае Шихматова – именно Славянской Библии, ее поэтических красот). Шишков, критически оценивший ломоносовскую “Оду, выбранную из Иова” за отступления от подлинника, Шихматова в этом отношении считал почти безупречным автором и ставил в пример соотечественникам: “Мы немного на нашем языке имеем стихотворений, в которых бы вера и любомудрие с таким красноречием проповедовались, и едва ли на других языках покажем что-либо в сем роде превосходнейшее. Конечно, многие мысли и описания его почерпнуты из Священных книг, также в некоторых местах подражал он и чужестранным знаменитым писателям, но и заимствования и подражания его, когда сличатся с подлинниками, то подлинники не помрачат их блеска” [27, с. 62–63].

4.

Ф.Н. Глинка

Ф.Н. Глинке принадлежит первое в русской литературе полное переложение Книги Иова. Это поэма “Иов. Свободное подражание священной Книге Иова”, написанная в 1829–1834 гг., а впервые опубликованная только в 1859 г. [30]. У поэмы была сложная цензурная история, достаточно полно описанная в монографии В.П. Зверева [31, с. 382–435]. Вопреки авторскому подзаголовку, это не “свободное подражание”, а именно переложение всей библейской книги, правда, довольно “свободное”. Ведущим приемом этого переложения можно назвать амплификацию, умножение подробностей. Так, в “Прологе”, пересказывая, как “пришли сыны Божии предстать пред Господа” и “между ними пришел и сатана” (Иов 1:6), Глинка дает пространное – более 50-ти стихов – описание сатаны: “И, следом за сынами света, / Пришел как мраз – губитель лета, / Отродье ночи – сатана. / Страшилище, огромный станом... <и т.д.>” [30, с. 1–2].

Однако эти амплификации в поэме Глинки не являются простыми поэтическими вольностями. Он руководствовался определенными принципами, которые изложил в примечаниях к другой своей религиозной эпопее – “Таинственная капля” (изд. 1861): “Все выражения свои автор подчинял условиям предмета, он писал под условиями: а) Библейского предания; б) исторического порядка; с) местностей описываемого края и нравов; д) эпох, имевших свой современный цвет (автор старался,

чтоб на всем, по возможности, отражался местный колорит), и более всего: под условием догмы и строгого воззрения Православной Церкви. <...> Словом, автор писал картину по заготовленным уже рамам и часто (вопреки требованиям воображения и творчества) не мог выступить ни на шаг из границ, ему указанных” (32, II, с. 434–436). В поэме “Иов” Глинка тем более строго придерживался этих “границ”, что имел дело со вполне определенной библейской книгой. К переложению Книги Иова Глинка подходил как ученый поэт, основывающийся на трудах современных библеистов: в начале 1835 г., подавая поэму в цензуру, он в качестве приложения к ней хотел дать статью протоиерея Герасима Павского (разыгравшийся вскоре скандал с ним в церковных кругах, возможно, и стал причиной цензурного запрещения поэмы вплоть до 1859 г.), а при втором ее издании в 1872 г. [33] Глинка перед стихотворным текстом, помимо общего предисловия, поместил собственную статью “Взгляд на Книгу Иова” и “Мысли о Книге Иова” И.Г. Гердера [33, с. XI–XXI]. Сама поэма Глинки во второй половине XIX в. высоко оценивалась в церковно-научных кругах: ее публикации в 1859 г. способствовал известный некоторыми трудами по Ветхому завету профессор М.В. Шавров, который также написал о ней большую апологетическую статью [34], цензурное разрешение выдал архим. Феодор (Бухарев), а архиеп. Филарет (Гумилевский) назвал “Иова” Глинки “подражением, достойным подлинника” [21, с. 490].

Среди других русских переложений из Книги Иова поэма Глинки, конечно, заслуживает отдельного разговора. Здесь можно сказать лишь несколько слов о том, как он переложил фрагмент о бегемоте и левиафана. В поэме Глинки это главы XL–XLI, общий объем которых почти 200 стихов [30, с. 163–168; ср.: 33, с. 175–180]. Среди них есть точные цитаты из ломоносовской “Оды, выбранной из Иова” (стихами Ломоносова Глинка, в частности, начинает описание левиафана: “Ты можешь ли левиафана / На уде вытянуть на брег?” [30, с. 165]), но в целом соответствующие главы поэмы нацелены на то, чтобы актуализировать демонологические ассоциации, связанные с этими библейскими животными. Собственно, Глинка и не оставляет читателям возможности увидеть в них что-то, кроме образов дьявола. Таковы уже первые строки в его описании бегемота:

Взгляни, мудрец, на бегемота!
Он создан Мною ж, как и ты, –
Сей тварей первенец громадный;
Но создан он не для тебя,
Не для твоей потехи детской...

[30, с. 163]

Глинка исправляет “ошибку” Ломоносова (у которого, как мы помним, сказано: “Мною сотворен с тобой”) и, чтобы не оставалось сомнений о природе этого существа, называет его “тварей первенцем”, что однозначно указывает на дьявола, который по этой причине в Библии и называется “денницей” (Ис 14:12) (с тем же намеком герой поэмы М.Ю. Лермонтова “Демон” в самом ее начале назван “счастливый первенец творенья” [35, с. 183]). Таким образом Глинка перетолковал стих из описания бегемота в библейском оригинале: “...это – верх путей Божиих” (Иов 40:14).

В описание левиафана Глинка – с теми же экзегетическими целями – добавляет, что при его приближении сердцами людей овладевает страх и уныние:

Когда он выступит из бездн,
Поморье все засуетится:
Тоска, как весть о смерти, мчится
И ужас скачет перед ним! –
<...>
Когда он выплеснет из вод, –
Полморя с шумом взбрызнет к небу,
И вздрогнут неба высоты,
И духом упадут герои...

[30, с. 167]

Среди человеческих орудий, над которыми смеется левиафан, у Глинки неожиданно – но вполне логично, если иметь в виду его цели как моралиста, – появляется “злато”:

Ему железо ваше – тлен,
И медь – как утлый, ломкий хворост,
Он втопчет ваше злато – в грязь!

[30, с. 168]

И, наконец, заключительный стих описания левиафана в Книге Иова – “на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости” (Иов 41:26) – Глинка передает словами, которые вряд ли безоговорочно могут быть отнесены к кому-то, кроме главного злого духа христианской демонологии:

Он и на высь глядит надменно,
Своим могуществом кичась,
Сей силы и гордыни князь!..

[30, с. 168]

Вслед за этим Глинка (возможно, чтобы не быть заподозренным в дуалистических воззрениях) добавляет к речи Бога отсутствующие в оригинале стихи догматического содержания:

Еще ли ты не убедился,
Что Я – вселенной Властелин,
Что Я везде все строю, знаю,
Сужу, миру, распоряжаю,
Держу и властвую – один?!

[30, с. 168]

М.В. Шавров в упомянутой выше обширной статье о поэме Глинки не прокомментировал интересные нас фрагменты, но дал общую (и весьма благосклонную оценку) его переложения увещательной речи Бога к Иову: “В переложении речей Господа наш поэт близок к подлиннику: величественный и в то же время милостиво-снисходительный тон их удержан; допущенные в них распространения в изображении некоторых отдельных предметов придали им большую определенность, но не лишили речи той живости, какую они отличаются в подлиннике” [34, с. 34].

* * *

Книга Иова и ее проблематика волновали многих русских поэтов и прозаиков XVIII–XIX вв., но переложить стихами фрагмент о бегемоте и левиафане вслед за Ломоносовым, насколько нам известно, попытались только Н.П. Николаев, С.А. Ширинский-Шихматов и Ф.Н. Глинка. Каждый из них преследовал свои цели. Будучи выдающимися поэтами, они сделали свои переложения вполне оригинальными, но все трое оказались в прямой или полемической зависимости от Ломоносова. Все три переложения оказались откликами не только на Книгу Иова, но и на “Оду, выбранную из Иова”. Возможно, чтобы избежать неизбежного сравнения со стихами Ломоносова, позднейшие авторы, занимавшиеся библейскими переложениями, к этому фрагменту не обращались. Так, Л.А. Мей в стихотворении “Из книги Иова” (1861) [см.: 36, с. 4–8] в оригинальной метрической форме переложил почти всю речь Бога к Иову, но именно бегемота и левиафана пропустил: он намеренно сосредоточился на тех моментах речи Бога, которые Ломоносов перелагать не стал (в чем тоже, впрочем, обнаружилась определенная зависимость от его оды). Поэты конца XIX в. и вовсе перенесли свое внимание с Божественного увещания Иову на его жалобы и спор с друзьями. Так поступил, например, Д.С. Мережковский в своей “библейской поэме” “Иов” (1892), где Богу вообще не было предоставлено слово (речь Его свелась к одной авторской ремарке: “Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из бури” [37, с. 140]). В лирической же поэзии стало обычным самоотождествление автора со страдающим Иовом (как, например, в стихотворении К.М. Фофанова “Скорбь Иова” (1886) (см.: [38, с. 329–333])). Но это уже другая поэтическая эпоха, для которой был характерен вполне законный интерес к другим аспектам содержания библейской книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. II. Ломоносов в 1742–1743 гг. // XVIII век. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935. [Сб. 1]. С. 102–110. [Pumpyanskiy, L.V. [Studies on the Literature of the First Half of the 18th Century. II. Lomonosov in the Period of 1742–1743] XVIII vek. Sbornik statej i materialov [The 18th Century. Collected Articles and Materials]. Moscow, Leningrad, 1935, Vol. 1, pp. 102–110.]
2. Катенин П.А. Размышления и разборы. / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. Л.Г. Фризмана. М.: Искусство, 1981. – 376 с. [Katenin, P.A. Razmyshleniya i razbory. Sost., podg. teksta, vstup. st. i primech. L.G. Frizmana [Speculations and Analysis. Compilation, Text Prepress, Introduction and Comments of Frizman, L.G.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, 376 p.]
3. Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы христианской демонологии. Опыт словаря. 2-е, испр. изд. М.: Intrada, 2013. – 416 с. [Makhov, A.E. Hostis Antiquus: kategorii i obrazy khristianskoj demonologii. Opyt slovary. 2-e, ispr. izd [Hostis Antiquus: Categories and Images of the Christian Demonology. Experimental Dictionary. The 2nd Revised Edition]. Moscow, Intrada Publ., 2013, 416 p.]
4. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. 6: Книга Иова / Под ред. М. Симонетти и М. Конти; Русское издание под ред. Ю.Н. Варзониной, пер. с англ., греч., лат. и сир. Тверь: Герменевтика, 2007. [Biblejskie kommentarii ottsov tserkvi i drugih avtorov I–VIII vekov. Vetkhij zavet. T.6: Kniga Iova. Pod red. M. Simonetti i M. Konti; Russkoe izdanie pod red. Yu.N. Varzonina, per. s angl., grech., lat. i sir [Comments to the Bible of the Fathers of the Church and Other Authors of the 1st–8th Centuries. The Old Testament. Vol. 6: The Book of Job. Simonetti, M., Konti, M. (Ed.). The Russian Edition Varzonin, Yu.N. (Ed.)]. Tver, Germenevika Publ., 2007.]
5. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 12. Кн. 3. СПб., 1906. [Tvoreniya svyatago ottsa nashego Ioanna Zlatoust, arkhiepiskopa Konstantinopolskogo, v russkom perevode. T. 12. Kn. 3 [Works of the Father John Chrysostom, the Constantinople Archbishop, in the Russian Translations. Vol. 12. Book 3]. St. Petersburg, 1906.]
6. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. I–XI. М.; Л., 1950–1983. [Lomonosov, M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. I–XI [Complete Works. Vols. I–XI]. Moscow, Leningrad, 1950–1983.]
7. Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях, с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. СПб., 1793. [Razgovor Lomonosova s Knyazhninym v Elisejskikh polyakh, s priobscheniem primechanij na slavnuyu odu gospodina Lomonosova, vybrannuyu iz Iova [The Dialogue of Lomonosov and Knyazhnin in Elysian Fields, Accompanied by the Comments on the Glorious Ode of M. Lomonosov, Selected from the Book of Job]. St. Petersburg, 1793.]
8. Коровин В.Л. Ломоносов и Библия: “Ода, выбранная из Иова” и Книга Иова // М.В. Ломоносов и Православие. Сборник статей о творчестве М.В. Ломоносова. М.: Издательский дом “К единству!”, 2014. С. 75–97. [Korovin, V.L. [Lomonosov and the Bible: “The Ode Selected from the Book of Job” and the Book of Job] M.V. Lomonosov i pravoslavie. Sbornik statej o tvorchestve M.V. Lomonosova [M.V. Lomonosov and the Orthodox Christianity. Collected Articles to the Creative Works of M.V. Lomonosov]. Moscow, “K Edinstvu!” Publ., 2014, pp. 75–97.]
9. Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 352 с. [Bogdanov, K.A. O krokodilakh v rossii. ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov [To Crocodiles in Russia. Studies on the History of Adoptions and Exoticisms]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2006, 352 p.]
10. <Юнг Э.> Вольное переложение некоторых мест из книги Иова // Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, английское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с английского подлинника <С.С. Джунковским>... СПб., 1799. Ч. 2. С. 435–460. [<Young, E.> Volnoe perelozhenie nekotorykh mest iz Knigi Iova. Plach, ili noschnye mysli o zhizni, smerti i bessmertii, anglinskoe tvorenie g. Jonga, s prisovokupleniem dvukh poem: 1) Strashnyj sud, 2) Torzhestvo very nad lyuboviyu, i 3) Volnogo perelozheniya iz knigi iova, tvoreniya sego zhe znamenitogo pisatelya. Vnov perevedeno s anglinskogo podlinnika <S.S. Dzhunkovskim>... [A Free Rendering of Selected Passages from the Book of Job. Lament Or Night Reflections on Life, Death and Immortality, the English Work of M. Jounge, Accompanied by Two Poems: 1) The Last Judgement, 2) The Triumph of Faith over Love, and 3) A Free Rendering of Selected Passages from the Book of Job, the Work of the Same Famous Writer. Newly Translated from the English Original by Dzhunkovskiy, S.S.]. St. Petersburg, 1799, Part. 2, pp. 435–460.]
11. <Юнг Э.> Краткое изъяснение из Книги Иова // Нощные мысли и другие сочинения г. Юнга, с английского на французской, а с французского на российской язык переведенные И.Р. <И.Г. Рахманиновым>. СПб., 1780. С. 51–78. [<Young, E.> Kratkoe izyashenie iz Knigi Iova. Noschnye mysli i drugie sochineniya G. Yunga, s anglinskogo na frantsuzskoj, a s frantsuzskogo na rossijskoj yazyk perevedennye

- I.R. <I.G. Rakhmaninovym>* [Brief Explanation to the Book of Job. Night Reflections and Other Works of M. Joung, Translated from English into French, and Translated from French into Russian by Rakhmaninov, I.G.]. St. Petersburg, 1780, pp. 51–78.]
12. <Young E.> Paraphrase d'une partie du Livre de Job // Les Nuits d'Young, traduites de l'anglois par M. Le Tourneur. Seconde edition. Paris, 1769. T. 2. P. 331–358.
13. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов: [В 17 ч.]. Ч.2. СПб., 1824. [Shishkov, A.S. [Essay on the Old and New Style of the Russian Language. 1803] *Shishkov, A.S. Sbornie sochinenij i perevodov: [v 17 ch.]. Ch.2* [Collected Works and Translations in 17 Parts. Part 2]. St. Petersburg, 1824.]
14. Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. Л.: Издательство “Наука”, 1966. 259 с. [Serman, I.Z. *Poeticheskij stil Lomonosova* [Poetic Style of Lomonosov]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, 259 p.]
15. Лотман Ю.М. Об “Оде, выбранной из Иова” Ломоносова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 253–262. [Lotman, Yu.M. [To “The Ode Selected from the Book of Job” of Lomonosov] *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in Language and Literature]. 1983, Vol. 42, no. 3, pp. 253–262.]
16. *Trediakovskij V.K.* Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich, 1989. (Biblia Slavica. Seria III: Ostslavische Bibeln. Bd. 4).
17. Сумароков А.В. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: [В 10 ч.]. М., 1781. Ч. 1. [Sumarokov, A.V. *Polnoe sobranie vseh sochinenij v stikhakh i proze: [v 10 ch.]* [Complete Works in Verse and Prose in 10 Parts]. Moscow, 1781, Part 1.]
18. Клейн И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 287–300. [Klein, I. [The Early Age of Enlightenment, Religion and Church by Lomonosov] *Klein, I. Puti kulturnogo importa: trudy po russkoj literature XVIII veka* [Cultural Import Ways: Studies in the Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 2005, pp. 287–300.]
19. Дороватовская В.С. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. СПб., 1911. С. 33–65. [Dorovatovskaya, V.S. [To the Bible Adoptions of Lomonosov] *M.V. Lomonosov. 1711–1911. Sbornik statej pod red. V.V. Sipovskogo* [M.V. Lomonosov. 1711–1911. Collected Articles. Sipovskiy, V.V. (Ed.)]. St. Petersburg, 1911, pp. 33–65.]
20. Мотольская Д.К. Ломоносов и его современники // История русской литературы: В 10 т. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 264–348. [Motolskaya, D.K. [Lomonosov and His Contemporaries] *Istoriya russkoj literatury: v 10 t., t. 3: literatura XVIII veka. Ch. 1* [History of the Russian Literature in 10 Vols. Vol. 3: Literature of the 18th Century. Part 1]. Moscow, Leningrad, 1941, pp. 264–348.]
21. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. СПб., 1884. [Filaret (Gumilevskiy), arkhiep. Chernigovskiy. *Obzor russkoj dukhovnoj literatury. Izd. 3-e, s popravkami i dop. avtora* [Filaret (Gumilevskiy), The Chernigov Archbishop. Survey of the Russian Sacred Literature. The 3d Edition, Revised and Enlarged by the Author]. St. Petersburg, 1884.]
22. Альтишуллер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. СПб.: Издательство “Пушкинский Дом”, 2014. – 616 с. [Altshuller, M.G. *V teni Derzhavina: literaturnye portrety* [In the Shade of Derzhavin: Literary Portraits]. St. Petersburg, “Pushkinskiy Dom” Publ., 2014, 616 p.]
23. Николев Н.П. Творения: [В 5 ч.]. Ч. 1. М., 1795. [Nikolev, N.P. *Tvorenii: [v 5 ch.]. Ch. 1* [Works in 5 Parts. Part 1]. Moscow, 1795.]
24. Альтишуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с. [Altshuller, M.G. *Beseda lyubitelej russkogo slova: u istokov russkogo slavyanofilstva. Izd. 2-e, dop.* [Discussion of the Russian Literature Amateurs: the Russian Slavophilism Pioneers. The 2nd Enlarged Edition] Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2007, 448 p.]
25. <Ширинский-Шихматов С.А.> Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. СПб., 1817. [<Shirinskiy-Shikhmatov, S.A.> *Pesn sotvorivshemu vsya. Stikhotvorenie knyazya Sergiya Shikhmatova, chlena Imperatorskoj Rossijskoj akademii* [The Song to the Creator Lord. The Poem of Prince Sergiy Shikhmatov, the Member of the Russian Imperial Academy]. St. Petersburg, 1817.]
26. <Шишков А.С.> Примечания на “Песнь Сотворившему вся” // Известия Российской академии. СПб., 1817. Кн. 4. С. 35–45. [<Shishkov, A.S.> [Comments to “The Song to the Creator Lord”] *Izvestiya Rossijskoj akademii* [Bulletin of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1817, Book 4, pp. 35–45.]
27. <Шишков А.С.> Предложение в Российскую Императорскую академию от президента и члена оныя вице-адмирала Шишкова // Известия Российской академии. СПб., 1817. Кн.4. С. 47–65. [<Shishkov, A.S.> [Proposal to the Russian Imperial Academy from Its President and Member Vice-Admiral Shishkov]

- Izvestiya Rossijskoj akademii* [Bulletin of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1817, Book 4, pp. 47–65.]
28. Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. М., 2006 (Лит. памятники). [Milton, Dzh. *Poteryannyj raj. Vozvrashchennyj raj. Drugie poeticheskie proizvedeniya*. Izd. podgotovili A.N. Gorbunov, T.Yu. Stamova [Paradise Lost. Paradise Regained. Other Poetic Works. Edition Prepared by Gorbunov, A.N., Stamova, T.Yu.]. Moscow, 2006.]
 29. Бобрров С.С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. М., 2008. Т.1 (Лит. памятники). [Bobrov, S.S. *Rassvet polnochi. Khersonida: v 2 t. Izd. podgotovil V.L. Korovin* [Dawn of the Midnight. Khersonida: in 2 Vols. Edition Prepared by Korovin, V.L.]. Moscow, 2008, Vol.1.]
 30. Глинка Ф.Н. Иов. Свободное подражание священной Книге Иова. СПб., 1859. [Glinka, F.N. *Iov. Svobodnoe podrazhanie svyaschennoj Knige Iova* [Job. A Free Imitation of the Sacred Book of Job]. St. Petersburg, 1859.]
 31. Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. – 541 с. [Zverev, V.P. *Fedor Glinka – russkij dukhovnyj pisatel* [Fedor Glinka – the Russian Spiritual Writer]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2002, 541 p.]
 32. <Глинка Ф.Н.> Таинственная капля. Народное предание. Берлин, 1861. Ч. I–II. [<Glinka, F.N.> *Tainstvennaya kaplya. Narodnoe predanie* [Mysterious Drop. The Popular Legend]. Berlin, 1861, Parts I–II.]
 33. Глинка Ф.Н. Сочинения. Т. 3. Иов. Свободное подражание священной Книге Иова. М., 1872. [Glinka, F.N. *Sochineniya. T. 3. Iov. Svobodnoe podrazhanie svyaschennoj Knige Iova* [Works. Vol. 3. Job. A Free Imitation of the Sacred Book of Job]. Moscow, 1872.]
 34. Шавров М.В. Иов и друзья его: (По поводу произведения Ф.Н. Глинки: Иов, свободное подражание священной книге Иова. СПб. 1859 г.). СПб., 1859. [Shavrov, M.V. *Iov i druzya ego: (po povodu proizvedeniya F.N. Glinki: Iov, svobodnoe podrazhanie svyaschennoj Knige Iova*. SPb. 1859 g.) [Job and His Friends: to the Work of Glinka, F.N.: Job. A Free Imitation of the Sacred Book of Job. St. Petersburg, 1859]. St. Petersburg, 1859.]
 35. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 6 т. Т.4. Поэмы, 1835–1841. М.; Л., 1955. [Lermontov, M.Yu. *Sobranie sochinenij: v 6 t., t.4. Poemy, 1835-1841* [Collected Works in 6 Vols. Vol. 4. Poems of 1835–1841]. Moscow, Leningrad, 1955.]
 36. Мей Л.А. Сочинения и переводы. [Т. 1.] Былины и песни. СПб., 1861. [Mey, L.A. *Sochineniya i perevody. [T. 1.] Byliny i pesni* [Works and Translations. Vol. 1. Russian Epic and Songs]. St. Petersburg, 1861.]
 37. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: [В 24 т.]. М., 1914. Т. XXII. [Merezhkovskiy, D.S. *Polnoe sobranie sochinenij: [v 24 t.]* [Complete Works in 24 Vols.]. Moscow, 1914, Vol. XXII.]
 38. Фофанов К.М. Тени и тайны. Стихотворения. СПб., 1892. [Fofanov, K.M. *Teni i tajny. Stikhotvoreniya* [Shades and Secrets. Poems]. St. Petersburg, 1892.]